

**ЗНАКОМЬТЕСЬ! АВТОР
АЛЬМАНАХА
„СТАВРОПОЛЬЕ“**

ЕВГЕНИЙ ОСТАНКОВИЧ.

Искателем, комсомольцем Северо-Кавказского отделения лаборатории гидрогеологических проблем посвящается.

УЗНИК МИНГИ-ТАУ

(Люди из легенды. Дыхание спящего титана)

«...Когда бессмертная птица Симург взмахнет крыльями, поднимается ветер и приходит буря. Крикнет Симург — замолкают все твари земные и горные цепи окутываются густой пеленой облаков. Стоит Симургу пошевелиться — содрогается все кругом и даже с далекого каменного чудовища — Ушбы падают в пропасть целые скалы. Но если вздумает Симург запеть, то разносятся невиданно-прекрасные звуки, летят высоко-высоко в небо. Летят до самого солнца и будят его. Раздвигает разбуженное солнце своими лучами тучи, и тогда сверкает небо.

Если ты смел и горы признали тебя своим братом, — подойди к великому Минги-Тау. Чуткое ухо услышит звон цепей

Зов Симурга

Худ. А. Гольцев.

таинственного пленника, которого скрывает под панцирем из льда и скал эта гора. Давным-давно в ее недрах закован злыми духами борец за правду, богатырь, жаждущий свободы. Но придет она к нему только с людьми, что поднимутся на Минги-Тау и скажут вещи птице Симургу: «Мы познали великую радость свободного труда. Пусть узник идет вниз вместе с нами!» Вот тогда и разбудит богатыря своим криком птица Симург. Тогда встанет богатырь и начнет помогать людям строить счастье.

Вот почему чутка вещая птица. Один глаз ее обращен в вечность схороненных мук богатыря, другой — в грядущее...».

Такова легенда. Давно ее сложили люди гор. Очень давно. А еще помнят люди, что было время, когда дрожала земля. Небо было черным и падали камни и пепел, текла лава. Не было смены дня и ночи. Потом пришел день, и увидел день горного исполина, выше которого не было гор рядом. Одни люди нарекли его Минги-Тау, то есть Тысяча гор, другие — Эльбрусом — Гривой снега.

Давным-давно потух этот вулкан, и только двуглавая вершина напоминает людям о его прошлом беспокойном характере. Так думают многие. Но есть люди, которые верят легенде гор. Слышат их сердца «дыханье богатыря», силу его, что таится в недрах Эльбруса.

В сущности, никто на совещании в Академии наук не возражал ставропольцам. Но, когда начальнику отделения лаборатории гидрогеологических проблем

Пантелееву предоставили слово, председательствующий «бросил» в зал:

— Сейчас наш Иван Яковлевич будет пытаться разжечь вулкан.

Раздался смех.

Все факты, приводимые Иваном Яковлевичем, разбивались о железное: «Недоказательно».

— Анализ газа, взятый из фумарол, говорит о действии возмущающего очага в недрах Эльбруса, — сообщил Иван Яковлевич.

— А газ во что брали?

— В резиновые колбы.

— Ну, вот! В этой колбе как раз и мог образоваться ваш вулканический газ. Это ж, коллега, резина. Понимаете, резина!

Пантелеев все понимал. Утверждения, которые он выдвигал, что Эльбрус еще не заснувший вулкан, слишком смелы. Коллеги-гидрологи, вулканологи не могли принять все, как неоспоримую истину, не обратив внимания на многие просчеты экспедиции 1961 года. Жалко, конечно, труд ребят. Но надо готовить новую экспедицию, только более тщательно.

И вот август тысяча девятьсот шестьдесят второго.

ПЕРЕД ПРЫЖКОМ

*(За что нас презирает Генка.
Мы поджимаем мускулы)*

Сердито потрескивает костер. Он напоминает Генку — такой же красный, колючий. Генка сейчас не с нами. Он сидит в палатке и презирает нас. Мы сегодня здорово провинились. Выпили немного спирту. И это накануне восхождения!

Не выпить тоже было нельзя. Сегодня у Тамары день рождения. День рождения у единственной женщины в отряде. Мы преподнесли ей подарок — огромный букет альпийских цветов, а потом нажарили грибов, открыли лучшие консервы. Ну, и выпили за ее здоровье. Совсем немного...

И теперь нас Генка презирает. Мы сидим у костра и молчим. Уютно и немного грустно. Анатолий натачивает ледоруб, сопровождая вздохи напильника своей любимой песней. Слова ее приносят к костру непонятную грусть.

Чутко горы спят. Южный Крест
зажегся в
кебе.

Спускаются в долину облака.

Осторожней, друг, ведь до нас никто
здесь не был,

В загадочной стране Мадагаскар.

...«Альпинисты так не поступают», — сказал нам тогда Генка. Ну и пусть! Мы же не альпинисты. Альпинисты — это, в большинстве случаев, те, кто лишен здравого рассудка. Лезут, рискуют, сами не зная зачем. Так сказал вчера Анатолий в ответ на заявление Володи, что тот на следующий год поедет в альплагерь.

Впрочем, вчера тот же Анатолий с восторгом рассказывал об Иосифе Кахиани, известнейшем покорителе вершин. Альпинистов он, конечно, уважает. Да и сам значкист. Только он гидрогеолог и любит рассуждать, что риск восхождений обязательно должен быть связан с какой-то научной и практической целью. Может, и пил он так демонстративно для того, чтобы подразнить Генку. Генка у нас кадровый альпинист. Для него спиртное в горах — это кощунство. Но в экспедиции он тоже по той причине, что и все, что и Анатолий. Мог бы спокойно сейчас быть в альплагере, но он здесь. Здесь, чтобы услышать зов Симурга...

У костра рядом с Анатолием сидит Сергей Ильич, начальник отряда. Он высчитывает дни, оставшиеся для экспедиции.

В эльбрусской экспедиции все как-то необыкновенно. Двенадцать дней — общий срок пребывания в горах. Из них два-три для исследовательских работ на вершине. Остальные дни приходится «ждать, поджимать мускулы», готовясь к прыжку на вершину. Все надо учесть — и акклиматизацию, и подготовку специального оборудования, одежды, тренировки на восхождение. Сократишь сроки — и дорого может обойтись группе торопливость.

Где-то в стороне Нальчика полыхают зарницы, клубятся серые тучи. А здесь, в базовом лагере на высоте двух тысяч

метров, небо в ярких веснушках звезд и убаюкивающий шум Баксана. Уже засыпая, Сергей Ильич лениво подсчитывает:
— Подготовка в Базовом лагере — три дня. Акклиматизация на «Приюте одиннадцати» четыре дня. Успеем ли? В августе погода переменчива...

КОГДА ПОЮТ ЛЕДОРУБЫ

(Байзула — это не Байзула. Какие есть романтика. Сердце отказывает. На волоске)

Будущее местожительство отряда «наверху» любопытно охарактеризовал шофер. Он забрасывал на Ледовую базу приборы экспедиции. Вернувшись «оттуда», он вытер пот со лба и выдохнул:
— Слава тебе господи, жив! Прямо с того света вернулся...

Руководитель штурмовой группы гидрогеолог Анатолий Клименко вместе с Игорем Ивановичем и старшим коллектором отряда Байзулой покинули лагерь первыми. Им надо было добираться до Ледовой базы, а потом к «Приюту одиннадцати». Из-под ног медленно уползают вниз, все ярче голубя травянистые ребра склонов, альпийские луга. И вот наконец только скалы и скалы. Становится тоскливо.

— Слушай! — Игорь Иванович поворачивается к Кирееву. — Байзула — это твое настоящее имя?

— Нет. Я-то, вообще, по паспорту Василий. Байзула — это казахское слово. Но когда так зовут, мне даже нравится. Человек один вспоминается. Хороший человек.

— Девушка?

— Товарищ один. Мечтатель. Он вроде как тропу нам сюда проделал. Первый предложил проверить Эльбрус — потухший ли вулкан? Энергия, мол, зря пропадает. Все нарзаны, мол, отсюда истоки берут. Стал добиваться экспедиции. Поначалу не хотели даже слушать. Но Юрия Петровича Масуренко разве остановишь? Пробивной был человек и... романтик.

— Ну, а причем же твое второе имя?

— Имя?! В первую экспедицию он меня Байзулой однажды назвал. По-казахски — тоже Василий. Так и приклеилось.

* * *

Из-за скалы показался серебристый купол базы. У ее порога стояло несколько туристов. Худощавый паренек в очках подошел к геологам и попросил:

— Ребята, вы на «Приют» дорогу знаете?..

Мы с вами пойдем, ладно?

С группой туристов шел старик. Энтузиаст походных троп, профессор Ленинградского университета в шестьдесят лет решил побывать на Эльбрусе.

— Умирать скоро, — объяснял он своим друзьям. — А как умирать, если на Эльбрусе даже не побывал...

И теперь через каждые пять шагов он останавливался. Сердце, которое так «хотело» высоты, не «учло» свой возраст. Оно не могло работать так, как здесь было нужно. Группа то и дело отрывалась от старика и потом делала остановки, нетерпеливо поглядывая назад. За спиной профессора снизу ползли серые тучи. Своим цветом и формой они предупреждали о грозе — самом страшном, что можно ожидать в горах.

— Толя! Идите вперед. Ведите группу, Я пойду с профессором, — сказал Василий, он же Байзула.

Все ушли вперед. Нахлынул туман. Злорадно запел ледоруб. Он всегда так. Первым чувствует грозу: наэлектризованный, начинает вибрировать, издавая зудящий гул. Сейчас бы бросить в сторону этот магнит для молний и лечь, накрывшись палаткой. Но профессор!..

— Идемте, идемте! — торопит Василий старика.

Рюкзак профессора давно уже у Киреева. Но старик быстрее идти не может. Ударило огненным треском. Потом еще. Совсем рядом. Обожгло разрядом левый локоть. Запахло паленым. «Началось! Надо идти вверх, скорее вверх, выше туч... Остаться здесь — могила».

Василий пристраивается впереди, диктуя ритм движения.

— Товарищ профессор! Вы чувствуете, что

гроза слабеет? Выходим из зоны! Зря вот только штормовочки наши обгорели, — Василий со смехом указывает на рыжие пятна. Опять вернулось к Кирееву его веселое настроение.

И вот гроза теперь внизу — всплесками огня. А рядом длинный, как корабль, с узкими бойницами окон, «Приют одиннадцати». Здравствуй, высота! Здравствуй, мир вечного холода! Здравствуй, работа!

ЧЕЛОВЕК В КЕДАХ

*(Хозяин облаков. Кто пижон?
Супермен и горы. Кровь на записке)*

Горы не любят, когда с ними на ты. Это помнят даже самые опытные «горные асы», даже такие, как начальник «Приюта одиннадцати».

Начальник нетороплив. Горы приучили к этому. В каждом движении — сила, горы не любят слабых. Он немногословен. Горы помогли этому. Больше двадцати пяти лет каждое утро сходятся на порог «Приюта» молчаливые стада облаков, словно ожидая, когда появится их «хозяин». «Хозяин облаков» встает с первыми лучами солнца, выходит на порог, осматривая далекий горизонт, и тогда облака, словно успокоенные тем, что хозяин здесь, расползаются на дневной привал в глубь ущелий.

Еще вчера утром начальник нам пообещал:

— Дня два погода будет славная, ребята!

Действительно, день был таким солнечным, что серые макушки скал удивленно стали выползать черными зрачками из-под таявшего снега. Лыжники отказались от своей пустой затеи ползать по фирновому склону (фирн — крупнозернистый снег. Под влиянием времени фирн переходит в лед). Это был последний день перед штормом Эльбруса. Каждый из нас старался экономить силы. Играли в снежки, загорали, лежа на надувных матрацах, вспоминали подробности прошлых экспедиций. И тут-то зашел разговор о пижонстве. Имел ли право, например,

Анатолий рисковать жизнью, стремясь удержать на поводу заваливающуюся в пропасть лошадь. Тогда он просто поводом порезал до кости ладони, но могло ведь быть и хуже.

— Пусть на лошади была завьючена ценная аппаратура. Но рисковать жизнью... Безрассудство! — говорил Озерецковский. — Нет, пижонство! — возражал Будзинский.

Но спор был прерван. Случилось необычайное. С восточной вершины пришел человек. Он был мокр и голоден. Зато путь туда и обратно человек проделал в кедах, опираясь на обыкновенную палку. Это было столь невероятно, что даже хмурый начальник «Приюта одиннадцати» сделал вид, что не заметил выходки парня, без разрешения поднявшегося на вершину.

Риск человека был большим. Он мог упасть и разбиться. Его могла захватить внезапная «эльбрусская буря», тогда одинокому была бы уготована верная смерть. В таком прогулочном костюме он мог легко и быстро познакомиться с двухсторонним воспалением легких. Но человек благополучно вернулся и был, на первый взгляд, в отличной спортивной форме. Среди гидрогеологов началось всеобщее ликование. Еще бы! В кедах «взять» Эльбрус! Притом, человек был родным — ставропольчанином. Вечером его пригласили к нашему столу. И тут он попросил помощи.

— Ребята! Я думаю сегодня ночью с группой альпинистов пойти на западную вершину.

Дайте «обмундирование».

Ему дали. Но был заключен договор, что пойдет он обязательно с группой и только с разрешения начальника. Через час он пришел в нашу комнату и заявил:

— Дело в шляпе. Разрешение есть. С руководством группы тоже договорился. Дайте еще шерстяные носки... Спокойной ночи! Утром, чуть свет, постучались.

— Кто вам дал право снаряжать человека?

— Но он же имел от вас разрешение!

— Какое разрешение?..

* * *

И вот начались тревожные часы. Ребята, нервничая, изучали в бинокль каждый

сантиметр седловины. Когда же появится возвращающаяся группа? И вот она появилась.

— Один, два, три, четыре... А где же пятый? Пятого не было. Через час руководитель группы устало давал объяснения:

— Шли к седловине. Полпути сделали. Смотрим... человек идет по нашим следам. Решили его подождать. Остановились. Человек тоже остановился. Кричим — молчит. Стали к нему спускаться, он отступает. Такая игра в кошки-мышки надоела. Пошли наверх сами. Встретились с ним только на вершине. Предложили спускаться вместе. Отказался. Заявил, что предпочитает остаться на вершине один. Мы ничего с ним не могли поделать. Поручили его группе французов, что тоже вслед за нами шла на Эльбрус. Спустились без него...

И опять сидят ребята с биноклями, опять считают черные точки. Одной не хватает. День кончался. С запада к Эльбрусу приползла тучка. Потом вторая, третья. Быть буре. Вернувшиеся французы долго и возмущенно рассказывали о том, как дикий альпинист в ответ на предложение спускаться с группой вниз грубо выругался и замахнулся на руководителя группы ледорубом...

— Пи-пи-пи, — заработала рация.

— Адыл-Су! Адыл-Су! — звал «хозяин». — Адыл-Су? Мне начальника спасательной службы Иосифа Кахиани. Найдите, пусть ответит. Человек в горах! Человек в горах!

Через несколько минут аппарат отозвался. Кахиани приказывал всем на «Приюте» быть одетыми по форме номер один. Ждать четырех часов. Если до четырех часов человек не покажется, то мы должны вызвать спасательный отряд и начать поиски.

Но виновник появился. Черная точка замаячила на склоне седловины и вдруг резко сместилась в сторону страшного ледника Азау.

— Тревога! Всем наверх!

Отряд пошел на выручку. Стараясь не потерять из виду «земляка», спешили, задыхались от быстрого шага. Вот он уже близко. Смыков не шел: он катился и полз.

Его подобрали на краю огромной трещины.

Через час «супермен» был отправлен в Адыл-Су в сопровождении группы альпинистов.

А потом мы сняли с вершины записку, где, оставляя пятна крови, человек написал: «Здесь был я — дикий турист Смыков». Но начальник «Приюта» немногословно пояснил: «Такая бумажка — мусор на вершине. Она позорит наш альпинизм».

ПО ТУ СТОРОНУ СОЛНЦА

(Отряд выходит на штурм. В снежной коловерти. Утопающих спасает «соломинка»)

— Снег, снег над нашей палаткой кружится!..

Это неугомонные туристы, нарушая ночной режим «Приюта», поют песню.

— Юра! — Геннадий вытягивает голову из спального мешка.

— Слышь, поют.

Ребята давно искали слова этой песни. Такие песни принимаются в горах очень близко сердцем.

— Может быть, перепишем слова?

— Лежи. Спать надо. Через несколько часов восхождение.

И вот только приходит легкая дремота, как...

— Подъем!

— Не гремите триконями (трикони — оковка альпинистских ботинок). Ящик с аппаратурой не забыли? Опускайте подшлемники...

Выходим наружу. Ночь... Черный ветер колючей рукавицей царапает щеки. На Эльбрус ворвалась буря.

— Назад! Все в коридор...

— Что будем, братцы, делать?

Начальник штурмотряда Анатолий ждет общего решения. Можно упрятаться в уютные спальные мешки и ждать лучших времен. Это вполне разумное решение. Но сроки экспедиции! Остались считанные дни. А когда буря кончится — неизвестно. Решаем ждать рассвета, а потом выходить.

Опять нервная дремота. И опять, стараясь не греметь триконями, выходим в посветлевшую ночь. Но буря свирепствует по-прежнему.

Ритмично хрустит под ногами фирн. Ведет группу Геннадий. Идет с поразительным чувством ритма. Но дышать все труднее — сказывается высота.

Привал... Кофе и глюкоза... Уже позади пять часов подъема. По расчетам должны выйти на седловину. Где она? Туман закрыл все вокруг. Остановки все чаще. Ноги стали чужими...

Обессиленный Геннадий уступает место Анатолию,

— Осторожно, ребята! Осторожно! Стой!

Порыв ветра — и вылезает из тумана часть склона. Прямо под ногами — пропасть. Оказывается, мы прошли уже седловину. Назад! Но идти уже нет сил. Посматриваем на наших спутников — трех молодых альпинистов. Получив разрешение от начальника, они идут с нами на вершину.

— Ну, как, ребята?

— Ничего, пошли!

Хорошо сказать: пошли! Мы скорее ползем, чем идем. Впереди внезапно вырастает черное пятно. Хижина! Неизвестно как, но мы находим силы и вползаем внутрь постройки. Лежа на кошме, постепенно начинаем приходить в себя. Ставим свою маленькую палатку — «памирку». Трое — Анатолий, Игорь и Байзула — останутся здесь, чтобы после бури начать работу. Нам же, кто принес свою аппаратуру, придется спускаться вниз. Пугает буря. Тройка хозяев наперебой убеждает нас остаться заночевать.

Но мы прощаемся с ребятами и выходим наружу. Погода ошеломляет. В двух шагах ничего не видно. Какое там в двух шагах! Протягиваешь руку — и штык ледоруба исчезает в кипящем «молоке». Этот «кипяток» обжигает, от ветра перехватывает дыхание. Кто-то из ребят наклоняется к Геннадию, пытается сказать что-то.

— Что?

На лице у парня смущенная улыбка. Такая растерянная улыбка бывает у человека, когда он пытается прогнать страх. Человеку стыдно, что он боится, и он улыбается.

— Что?

— Может быть, вернемся? А то... отсюда — прямо в ад!

— А ты думаешь, там будет хуже?

Слова возымели действие. Улыбка все еще остается на лице парня, но он делает шаг вперед, обходя Геннадия.

— Пошли!..

— А-а-у-а-о!

Это что-то кричит Геннадий. Его серый силуэт в трех шагах впереди. «Силуэт» поднимает руку с ледорубом вверх, что-то показывая.

Прямо перед нами из глубины снежного потока пробивается желтый шарик солнца. Он такой маленький и беспомощный, этот шарик. И кажется, что настоящий мир, голубой и зеленый, мир людей и песен, там, за желтым шариком солнца. А мы здесь, на какой-то сверхдальней чужой планете.

...Вряд ли это можно назвать движением. Вот Геннадий машет рукой — всей группе сойтись. Становимся спиной к ветру, сближаем лица и кричим, чтобы услышал каждый:

— Где мы сейчас можем быть?

Легко сказать: где мы сейчас! Рассуждаем: оголенную от снега скалу мы видели только одну. Вероятно, это первый скальный язык восточной вершины. Таких языков три... Потом следует язык подлиннее. Вот ниже его и есть «Приют Пастухова». Путано. Сомнительно. Но что же делать? Надо искать этот длинный язык.

Идем опять все за Геннадием, но скал все нет. Буря меняет свое лицо. Снег мчится не только сверху, но и снизу, справа, слева. Порыв ветра разрывает мглу, показываются внизу скалы. Опять собираемся вместе и начинаем дискуссию по поводу того, что это может быть?

— «Приют Пастухова»?

— До «Приюта» еще далеко! Пошли дальше!

Но Геннадий непреклонен. Как вожак группы, он имеет сейчас неограниченную власть. Его рассуждения таковы: лучше удостовериться, что это не «Приют», чем пройти его. Пройдешь — назад не успеешь. Пропасти умеют скрываться в пургу. Шаг... другой и... гибель.

Начинаем спуск на несколько сот метров вниз... Голая грудка скал, а ниже — пропасть... Как жаль потерянной высоты!

— Назад!

Минут сорок тратим на то, чтобы вернуться на прежнее место. Но это место оказывается другим: прямо перед нами свешивается вниз серая полоса камней. Ясно, что один из скальных языков, но какой? Пойми здесь — самый ли он длинный или один из трех коротких?

К опасению попасть «не туда» прибавляется страх потерять товарищей в этой коловерти. Дистанция — два шага. Минут через пятнадцать становимся спинами друг к другу. Так кругозор шире. Больше шансов что-то увидеть в мгновенном разрыве туч. Снегом забивает глаза. То и дело каждому что-то чудится. Но, дождавшись нового порыва ветра, убеждаемся в ошибке товарищей.

— Вот она! Честное слово, она! — кричат двое.

Но опять ждем, чтобы удостоверилось большинство.

— Она!!! — маленький прутик торчит из снега. Мы знаем его, этот прутик. Это совсем рядом с «Приютом». Вниз, скорее вниз, чтобы не потерять «спасительную соломинку». Совсем рядом вырастает гряда камней. Вот он — «Приют Пастухова». Добираемся до скал.

И вдруг как будто огромный нож разрезает холодное и студенистое тело бурана. В нескольких метрах выше нас висит тяжелый тучевой потолок, а рядом — солнце, горы. Под нами «Приют одиннадцати» — родная, милая база. Забывая всякую осторожность, начинаем глиссировать вниз.

А минут через сорок мы уже уплетаем за обе щеки самое вкусное, что есть на свете, — гречневую кашу.

НЕУДАЧА

(Горная болезнь. Отмороженная нога)

За обитыми кошмою стенами хижины глухо гудит непогода. Голубые блики из маленького оконца тускнеют. Видимо, вечер. Игорь Иванович и Киреев притихли в своих спальных мешках. Спят ли? В сотый раз Анатолий пытается прочистить горелку, подкачивает примус. Не помогает ни высококачественный бензин, ни сноровка. Выбросив жалкую порцию

желтоватого пламени, горелка гаснет. Снег в котелке едва успел растаять — на дне слегка тепловатая водица. Чай!

— Вставайте, герои! — Анатолий разливает жидкость по кружкам.

Игорь Иванович отказывается от чая, выходит в тамбур. Анатолий с Василием переглядываются: «Началось». В бурю, когда атмосферное давление падает, очень возможны приступы горной болезни. Возвращается вулканолог бледный, измученный, лезет в мешок.

Стараясь не двигаться (каждое движение приносит обострение болезни), ребята молчат.

С рассветом буря утихла. Измученные горной болезнью, искатели выходят наружу.

Вот и предвершина. Из снега лезут серыми торосами скалы. Под ними фумаролы (места выходов вулканических газов в древних вулканических породах).

Потом Анатолий замечает подкрепление: Юрий, Сергей Ильич, Володя, Тамара!

— Ага, пришли, значит! Юра, заменишь? Я немножко приболел.

Но Юрий молчит. Пока он лез с «Приюта» — отморозил ногу. Остаться — значит, потерять ее. Что делать дальше?

Сергею Ильичу все ясно. Глядя на трех измученных искателей, как начальник группы, он может отдать только одни приказ:

— Работы запрещаю. Отдохнете на «Приюте». Потом все начнем сначала.

ТЕНЬ ЭЛЬБУСА

(В царстве вечного покоя.

Грот сказок. Шашлык на вершине.

„Прощай“)

Встает раннее утро. Розовеют, а потом вспыхивают факелами вершины. Смягчаются морщины лавинных спусков, втягивают плечи серые «жандармы» (башни и шпили на скальном гребне). Даже страшные карнизы хмурого Дангуза кажутся сейчас безобидными. На грудь красавицы Накры, на весь Кавказский хребет синим треугольником ложится тяжелая тень Эльбруса. Она бесконечна. На десятки километров врезается ее клин в облака и туманы ущелий. Там, где она

врезается, тень кажется чем-то невероятно тяжелым. Необозримая палитра синего и розового! Есть и серое. Это, еще сонная, Сванетия и, скорее угаданная, чем увиденная, полоска Черного моря.

Это все далеко впереди. А рядом — бездна и вековая неподвижность вершин. Ватная тишина. Хорошо, если начинает звенеть в ушах! А если не звенит? Тогда приходит странное чувство тоски, ощущение твоего маленького «я» перед этим молчаливым и гордым покоем, тысячелетним царством льда и скал.

— Э-э-э-эй! — Сергей Ильич зовет к исполнению служебных обязанностей. Ребята приступают к делу: измеряют температуру в фумаролах, берут пробы газов, делают съемку местности.

— Пойдем со мной,— предлагает Сергей Ильич.— Ох, и фумаролку тебе покажу!

К фумароле надо сделать шагов сто. Идем медленно. Через каждые десять шагов — привал. Идти тяжело. Нагрузка на организм у вершин Эльбруса в шестнадцать раз больше, чем в долине: сказывается атмосферное давление, разреженность воздуха.

В скалах узкая щель — вход в фумаролу. Нас двое, впервые за многие тысячелетия нарушивших покой грота. Стоишь на каменном полу, поросшем низенькой щетинкой серого мха,— и кажется странным: откуда на высоте свыше пяти тысяч метров — мох? Но термометр все объясняет очень скоро. Если за ледяным куполом грота температура никогда не бывает выше нуля, то внутри она достигает 16 градусов тепла. Вот где чувствуется дыхание эльбрусского узника.

Через ледяной потолок пробивается голубым мерцанием день. Прямо над головой с потолка свешивается прозрачная ледяная сосулька. Искусный художник — вулканический газ — своими теплыми струями из века в век делал ювелирную работу. Как будто роденовский резец прошелся по ледяным стенам. Целые скульптурные группы, фрески. Красочный мир! Грот имеет несколько комнат, и везде в голубых брызгах света причудливое искусство природы.

Вспоминая уроки, что давал Сергей

Ильич на «Приюте», я пробую собрать газ, выходящий из едва заметной щели в каменном полу. То ли не хватает навыков, то ли терпения, но у меня ничего не выходит. Пальцы онемели, сжимая и разжимая резиновую грушу, в стеклянных колбах — только пустота.

— Эх, химик! Давай сюда! — Сергей Ильич наклоняется к прибору. — Иди лучше иней собирать.

Замерзшие вулканические пары кокетливой бахромой висят по стенам грота. Проходит изрядное время, пока хлорвиниловый мешочек наполняется снежными стружками.

— Готово!

Тот не отвечает. Не шелохнувшись, уставившись глазами в одну точку, он собирает газ. Если сейчас громко вскрикнуть или выстрелить, он, пожалуй, даже не вздрогнет и не обернется: слишком много отдано сил, чтобы взять эту пробу.

Сверху слышатся приглушенные слова. Это Игорь Иванович, спускаясь с вершины, провалился в один из гротов.

— Игорь Иванович! Чего, ж это вы так долго пропадали?

— Да, понимаете, делал съемку кратера, и вдруг захотелось спать. Так и проспал часа два.

— Этак можно и в беду попасть...

Мы знаем немало странных случаев, связанных с вершиной. Большей частью их причиной становилась горная болезнь. Один из ее симптомов — непреодолимое желание спать.

Однажды несколько альпинистов без акклиматизации поднялись на вершину. Через некоторое время руководитель группы дал команду спускаться. Спустились уже на несколько десятков метров, как замыкающий заметил — нет одного человека. Стали искать. Его нашли в одной из ледниковых лунок. Уткнувшись головой в снег, он сладко спал, шевеля губами и что-то невнятно бормоча.

— Вставай, приятель! Отоспишься на базе! Попытались поднять. И тут приятель начал отбиваться.

— Хулиганы! — кричал он, бессмысленно тараща глаза. — Человек заказал шашлык. Столика другого, что ли,

нет? Чего лезете? Милиция!..

Со связанными руками и ногами больного пришлось тащить вниз, к седловине. На седловине человек моментально пришел в себя. Удивленно смотрел на связанные руки и ноги, все спрашивал:

— Братцы! Неужели я грозил? Шашлык заказывал?! Вот потеха!..

...Идет время. Сфотографированы все fumaroles и скальные участки. Взяты пробы. Еще ничего окончательного и определенного сказать нельзя. Последнее слово остается за химическими лабораториями. Но каждый твердо уверен — вулканический очаг Эльбруса жив. Он может дать тепло и свет людям. Он питает нарзанные источники. Как он питает? Сколько он может отдать энергии людям? Это уже скажут другие экспедиции.

— Все вниз! — слышится команда.

Светит ярко солнце. Звенят под фирном ручьи.

До свидания, Эльбрус! Мы еще придем к тебе. Жди нас, богатырь Минги-Тау!

ЭЛЬБРУССКИЙ КЛАД

(Письмо Анатолия Клименко, гидрогеолога,

участника двух экспедиций на Эльбрус)

Дорогой друг! Если ты зорек и хотя бы немного романтик, присмотришь внимательно к белоснежному великану: видишь, там, между вершинами, курится белое облачко? Это дышит Минги-Тау. Не так уж стар этот великан. Не старческая седина покрывает его голову, а белоснежная праздничная папаха. Сейчас вулкан дышит ровно и спокойно, как подобает уставшему богатырю.

Восточная предвершина Эльбруса — это сказочный мир пещер, температура в которых 15—18 градусов тепла. Здесь царство мхов. Все это — дело fumaroles. Но вулкан Эльбрус живет не только в fumaroles — в теплых струях углекислого и сернистого газа, аммиака. Он живет в многочисленных минеральных источниках, опоясывающих его вершину. Эльбрус дает им свое тепло, насыщает углекислотой и целебной силой. Запасы «богатырской воды» неиссякаемы. Этих мест еще мало коснулась рука человека: нет дорог,

отсутствует медицинский надзор. Но каждое лето здесь многолюдно. Люди приходят к лечебной воде... Правда, в одном источнике ты можешь встретить человека, в другом «лечащегося» медведя. Но очень скоро придет время, когда здесь вырастут здравницы.

Мне хотелось бы рассказать о том, что на сравнительно небольшой глубине эльбрусская породы нагреты до температуры нескольких сотен градусов. И если природа создала благоприятнейшие условия для накопления подземных горячих вод, то можно бурением вскрыть неиссякаемые запасы горячей воды, нагретой в эльбрусском котле. Подумайте, что могут дать эти горячие источники! Прежде всего, тепло, электроэнергию для окружающих селений,строек, для большого спортивного города, который вырастает у подножия Эльбруса.

Все эти возможности обнаружены нашими экспедициями. Но мы не претендуем на большие открытия. Это потому, что гидрогеологи с глубоким уважением произносят имена старейших исследователей Эльбруса: Абиха, Лубянского, Пастухова, Герасимова; имена наших современников — геологов и альпинистов. Это они подсказали нам путь к тайнам Эльбруса.

Проблема Эльбруса-вулкана заинтересовала широкие ученые круги. И теперь научно-исследовательские работы на вершине Минги-Тау включены в программу международного геофизического года. Это, пожалуй, самое радостное событие для нас — исследователей этого вулкана. Летом мы опять придем к подножию Эльбруса, чтобы продолжить свои работы. Силы вулкана обязаны служить людям. Мы уверены, что все будет, как в той старой легенде о богатыре и Симурге. Разбуженный Симургом, встанет богатырь. И мы обязательно поможем ему делать большое и радостное для людей, к чему призывает Симург — наше замечательное время.